

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 11.

СТАРЫЙ МАТЕМАТИКЪ

ИЛИ

ОЖИДАНИЕ КОМЕТЫ ВЪ УЪЗДНОМЪ ГОРОДѢ.

ФАРСЪ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ПЕРЕДѢЛАННЫЙ ИЗЪ НѢМЕЦКОЙ КОМЕДИИ, ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ «КОМЕТА»

Гъ. А. Н. А—выль и П. Г. Г—выль.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ :

АКТЕРЫ :

Андрей Матвѣевичъ Солонкинъ, театральныи хористъ, на пенсіонѣ и учитель пѣвчихъ въ городѣ.

Г. Мартыновъ 1-й.

Устьяня Дмитріевна, его жена.

Г-жа Громова.

Машинька, ихъ дочь.

Г-жа Подобѣдова.

Степанъ Степановичъ Молотовъ, отставной учитель математики.

Г. Григорьевъ 1-й.

Иванъ Ивановичъ Чистовъ, помощникъ землемѣра.

Г. Смирновъ 2-й.

Анкудинъ Петровичъ Гвоздевъ, приказный.

Г. Сосновскій.

Дѣйствіе въ малевкомъ уѣздномъ городѣ.

Театръ представляетъ комнату, довольно бѣдно убранную.

I.

Маша (*одна, сидитъ у открытаго окошка и вяжетъ чулокъ*).
Ахъ, Господи Боже мой! Какая погода-то чудесная! Какъ весело поютъ птички! видно онѣ, бѣдняжечки, еще не знаютъ, что сегодня послѣдній день!... (*Вздыхаетъ.*) Ахъ, какъ только вздумаю про это, такъ сердце и замереть.

Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой!
Вѣдь надо жъ такъ случиться
Чтобы въ прекрасный день такой
Свѣтъ вздумалъ провалиться!
Зачѣмъ я такъ глупа была,
Зачѣмъ бурнусъ я сшила,
И шляпку чистить отдала,
Когда мнѣ смерть грозила?

*

Хотѣлось мнѣ пошеголять,
Все сдѣлала по вкусу,
И вотъ пришлось прости сказать
И шляпкѣ и бурнусу.
Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой!
Вѣдь надо-жь такъ случиться,
Чтобы въ прекрасный день такой,
Свѣтъ вздумалъ провалиться!

Къ чему это я чулки-то вяжу?.. (*Бросаетъ чулокъ.*) Подите вы, гадкіе!.. мнѣ васъ не надобно.... Ахъ, какая скука! Хоть бы Ваня пришелъ!.. (*Утираетъ глаза платкомъ.*) Ахъ, я несчастная!... Этакъ я пожалуй и его совсемъ не увижу, потому что въ 10 часовъ... Ой! какъ страшно! (*Плачетъ.*)

II

МАША И ЧИСТОВЪ.

Чистовъ. Мое почтеніе, Марья Андревна-съ!

Маша (*сквозь слезы*). Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ.

Чистовъ (*съ удивленьемъ*). Что такое съ вами сдѣлалось, Марья Андревна?

Маша. А что-съ?

Чистовъ. Да вы, кажется, плачете?

Маша. Чему же мнѣ радоваться? Вѣдь сегодня 7-е число!

Чистовъ. Да съ, точно 7-е, а завтра будетъ 8-е, и я получу награду, да знаете-ли еще какую?... (На ухо Машѣ.) Полтораста рублей серебромъ!

Маша (съ радостію). Ахъ, какъ это хорошо!. (Опомнившись.) Да нѣтъ, вы не получите, Иванъ Ивановичъ!

Чистовъ (обидѣвъ). Отъ чего же это, Марья Андревна?

Маша. Оттого, что завтра ужъ и на свѣтъ никого не будетъ.

Чистовъ. Какъ не будетъ?—Ахъ, да я и забылъ... сегодня придетъ комета... (Смѣется.)

Маша. Чему же вы смѣетесь? Неужели не вѣрите?

Чистовъ. Не вѣрю, Марья Андревна! ей Богу не вѣрю!

Маша. Вотъ какой чудакъ! Да Степанъ Степанычъ говорить...

Чистовъ. Онъ дуракъ, Марья Андревна... право, дуракъ!

Маша. Толкуйте вы тутъ! ну, какъ можно, чтобы Степанъ Степанычъ былъ дуракъ?

Чистовъ. Да почему-же нѣтъ?

Маша. Ахъ, да-то Богъ, чтобы это была правда, только онъ говоритъ, что непременно сегодня, въ 10 часовъ, комета задѣнетъ нашу землю!

Чистовъ. Какую землю?

Маша. Нашу.

Чистовъ. Русскую-то землю задѣнетъ?.. Сохрани ее Господи!—Наша земля никого не трогаетъ, а ужъ если да кто ее задѣнетъ... бррр!.. такихъ затрещинъ падаетъ по затылку, что и своихъ не узнаетъ!

Маша. Такъ отчего же это батюшка такъ беспокоится?

Чистовъ. Да и не онъ одинъ... на всѣхъ нашелъ какой-то столбикъ, цѣлый городъ помѣшался на кометѣ!

Маша. Ну, вотъ видите-ли, стало-быть это правда.

Чистовъ. Марья Андревна! неправда! я вамъ говорю, что неправда!

Маша. Да неужели-же мы завтра всѣ будемъ живы?

Чистовъ. Мало, что живы—и счастливы!

Маша. Какъ бы не такъ! Нѣтъ, ужъ на счастье и надѣяться нечего. Если свѣтъ и не провалится, такъ меня все-таки пррпудятъ выдти замужъ за Степана Степаныча. Вѣдь тятинька васъ терпѣть не можетъ, а въ немъ душъ не слышать.

Чистовъ. Ужъ и не говорите; онъ вашего тятиньку точно

лѣшій обошелъ!—да это вздоръ! я имъ не поддамся, ови меня узнають!... Прощайте, Марья Андревна.

Маша. Куда же вы?

Чистовъ. Домой съ. Только вы не безпокойтесь, я опять скоро буду здѣсь.

Маша. Пожалуйста поскорѣе, потому что мнѣ безъ васъ страшно.

Чистовъ (*беретъ ее за руку*). Не робѣйте, Марья Андревна, не робѣйте; будьте такъ храбры, какъ я! Прощайте-съ! (*Уходитъ*.)

—

III

Маша (*смотря вслѣдъ за уходящимъ Чистовымъ*). Въ самомъ дѣлѣ, какой онъ молодецъ! да притомъ же какой хорошенькій!—просто душа;какая разница между имъ и Степаномъ Степанычемъ, ужасная! тотъ противный!

Гвоздевъ (*входитъ, раскланиваясь*). Здравствуйте, сударыня!... что тятинька вашъ дома?

Маша. Нѣтъ, они куда-то вышли.

Гвоздевъ. Жалко, а мнѣ бы его пужно.

Маша. Такъ вы подождите, можетъ быть онъ скоро придетъ.

Гвоздевъ (*садится*). Да ужъ дѣлать нечего, надобно будетъ подождать.

Устинья (*за кулисами*). Маша! Маша!

Маша. Ахъ, Боже мой! извините, маменька меня зоветъ.

Гвоздевъ. Ничего, ничего, ступайте; я и одинъ посижу.

(*Маша уходитъ*.)

—

IV

ГВОЗДЕВЪ, потомъ СОЛОНКИНЪ.

Гвоздевъ. Какая славная дѣвушка! Вѣдь какіе счастливцы ея родители! А у меня такъ вотъ, какъ на зло, никого въ наличности не имѣется.

Солонкинъ (*входитъ мрачнымъ*).

Все мрачно и тихо, и пахнетъ могиллой
Веселой улыбки нигдѣ не нашель...

Гвоздевъ (*клянется*).

Андрей Алексѣичъ!.

Солонокпнъ (*увидя Гвоздева*).

А! здравствуй, мой милый!

Ты вѣрно проститься со мною пришелъ?

Гвоздевъ.

Нѣтъ, я изъ сула, нашъ прислалъ городничій,

Чтобъ эту бумагу я вамъ показатъ.

Солонокпнъ (*съ ироніей*).

Къ чему передъ смертью мнѣ столько отличій,

Когда онъ при жизни меня притѣсилъ.

Гвоздевъ. Я ужъ тамъ ничего не знаю; мнѣ только приказано показатъ вамъ предписаніе Уѣзднаго Суда.

Солонокпнъ (*съ насмѣшкою*). А Уѣздный Судъ все еще дѣласть предписанія?

Гвоздевъ. Да отчего-жъ бы ему и не дѣлатъ?

Солонокпнъ (*со вздохомъ*). О, суета суетъ и всяческая суета! Разорви ты, пожалуйста, эту бумагу.

Гвоздевъ. Какъ, предписаніе-то? Что вы это, Андрей Алексѣичъ! Да въ своемъ-ли вы разумѣ?

Солонокпнъ. Что жъ ты думаешь, что оно теперь на что-нибудь годится?

Гвоздевъ. Да какъ-же не годится? Вѣдь послѣ завтра срокъ.

Солонокпнъ (*мрачно*). Неправда!

Гвоздевъ (*показывая бумагу*). Да вотъ, посмотрите сами.

Солонокпнъ. Сегодня!

Гвоздевъ. Послѣ завтра, въ...

Солонокпнъ. Сегодня въ десять часовъ.

Гвоздевъ. Послѣ завтра продадутъ вашъ домъ, если вы не заплатите долгу купцу Охомяткину.

Солонокпнъ. Сегодня въ десять часовъ заснутъ вѣчпымъ своимъ всѣ покупатели, всѣ продаватели и всѣ падуватели!

Гвоздевъ. Андрей Алексѣичъ, подумайте...

Солонокпнъ. Ну, что такое? объ чемъ мнѣ думать? Ты знаешь-ли которое сегодня число?

Гвоздевъ. Седьмое.

Солонокпнъ. Ну, такъ знай же и это; въ десять часовъ комета достигнетъ ближайшей точки, и въ десять часовъ, я, ты, мой домъ, эта бумага—все исчезнетъ.

Гвоздевъ (*всторону*). Да, что онъ, не помѣшался ли? (*Ему*.) Андрей Алексѣичъ !...

Соловкинъ. Не будетъ Андрея Алексѣича! слышншь-ли? А пока еще этого не случилось, иди съ Богомъ и не мѣшай мнѣ приготовиться.

Гвоздевъ. Но что-же мнѣ сказать городничему? Онъ принимаетъ въ васъ такое участие... ему-бы не хотѣлось, чтобы продали вашъ домъ....

Соловкинъ. Поблагодари его высокородіе, Степапа Никитича, и скажи ему: что я лично увижусь съ нимъ, лично на томъ свѣтѣ.

Гвоздевъ. Да, что вы за чушь городите? Здоровы ли вы? (*всторону*) Да онъ рѣшительно сумасшедшій! (*Громко*.) Ну, такъ прощайте, Андрей Алексѣичъ! (*Хочетъ идти*.)

Соловкинъ. Погодя не много, я тебѣ дамъ хорошіи совѣтъ.

Гвоздевъ. Послушаемъ, что такое?

Соловкинъ. Если ты хочешь быть спокойнѣе, такъ къ десяти часамъ выйди изъ дому и отправляйся въ полѣ, что за слободами.

Гвоздевъ. Къ чему это?

Соловкинъ. Потому что умереть на чистомъ воздухѣ гораздо пріятнѣе; тамъ по крайней-мѣрѣ не обрушится на тебя какая-нибудь дрянная крыша и не проломитъ головы.

Гвоздевъ (*кланяясь*). Покорнѣйше благодарю! только и всего!

Соловкинъ. Только и всего. — Ступай съ Богомъ!

Гвоздевъ. Ну, такъ позвольте-же и я вамъ посовѣтую! ищите-ко вы поскорѣе другую квартиру, потому что послѣ завтра этотъ домъ продадутъ и васъ выгонятъ. — Прощайте-съ! (*Уходитъ*.)

V.

Соловкинъ (*одинъ, послѣ нѣкотораго молчанія*). Простакъ! глупецъ! Ужъ и видно, что приказный... ничего не знаетъ, ничего не читаетъ и ничего не понимаетъ! Ну, можно-ли не вѣрить тому, о чемъ пишутъ всѣ умные люди? Да хоть бы онъ заглянулъ въ Брюсовъ календарь, тамъ, кажется, именно сказано вотъ что: въ 1844 году, пойдетъ страшная комета съ преужаснымъ

хвостомъ и задѣнетъ нашу землю. — Кажется ужь это ясно? Ахъ, только какіе есть дураки на свѣтѣ!

VI.

СОЛОНКИНЪ и МАША, плачущая.

Солонкинъ (*увидя Машу*). Здравствуй, Маша! что ты, опять въ слезахъ? — Ну, полно же, полно, дурочка, не плачь! (*Утираетъ ей глаза платкомъ.*)

Маша (*обнимая отца*). Ахъ, тятинька! голубчикъ ты мой! какъ же мнѣ не плакать? Вѣдь, ей-Богу, умирать-то не хочется!

Солонкинъ (*со вздохомъ*). Что дѣлать, мой дружокъ; на то есть воля Божія! (*Маша плачетъ.*) Перестань же, перестань, успокойся!

Маша. Я было совсѣмъ успокоилась, да какъ увидѣла маменьку въ какомъ-то безпокойствѣ... такъ вотъ опять слезы такъ и брызнули!

Солонкинъ. Что дѣлать! Вотъ и дождались страшнаго наказанія! — Ну, а скажи-ка ты мнѣ: у тебя вѣдь тоже есть какіе-нибудь грѣшки?

Маша (*стыдливо*). Ахъ, тятинька!...

Солонкинъ. Говори, говори, я сердиться не буду; въ такой великій день всѣмъ прощеніе!

Маша. Да я вотъ не знаю, грѣшно-ли это, что я люблю Ивана Ивановича?

Солонкинъ (*съ сердцемъ*). Грѣшно, сударыня ужасно грѣшно! какъ можно любить человѣка, который ничему не вѣритъ? который не вѣритъ даже пршшествію кометы.

Маша. А что-жъ, тятинька, если и въ самомъ дѣлѣ свѣтъ-то останется опять на свѣтѣ?... Вѣдь это можетъ быть!

Солонкинъ (*горячо*). Не можетъ, ни какъ не можетъ!

Маша. Ну, да если комета не придетъ, или запоздастъ?

Солонкинъ. Да ты, мнѣ кажется, думаешь, что она глуше тебя? Запоздастъ, вотъ видите! Съ какой стати ей запоздать?

Маша. Да такъ... можетъ быть она завернетъ куда-нибудь въ другое мѣсто?...

Солонкинъ. Положимъ, что такъ. Что-жъ изъ этого выйдетъ? — небольшая отсрочка и больше ничего!

Маша. Въ ту отсрочку-то, можетъ быть, вы бы и согласились выдать меня за мужъ за Ивана Ивановича.

Соловкнѣ. И не заикайся! Если, чего Боже сохрани, и случится такое несчастіе, такъ все-таки я тебя отдамъ не за Ивана Ивановича, а за Степана Степановича.

Маша. Ай, да какъ-же это можно!

Соловкнѣ. Пойдешь!

Маша (плачетъ). Нѣтъ, такъ ужъ пускай-же лучше обрушится на насъ комета!

VII.

ТѢЖЕ И УСТИНЬЯ.

Устинья. Андрей Алексѣичъ! Ты ужъ фракъ-то какой надѣнешь?

Соловкнѣ. Какъ какой?

Устинья. Новый, или старый?

Соловкнѣ. Ну, конечно новый. Я хочу умереть въ полномъ блескѣ!

Устинья. Такъ я его и приговорила! Послушай, а мнѣ можно будетъ надѣть бѣлый кисейный капотъ?

Соловкнѣ. Ну, вотъ еще что выдумала! Къ чему это? Вѣдь мы пойдемъ умирать въ поле, такъ еще какъ-нибудь объ траву замараешь.

Устинья. Экая важность какая! да куда его беречь? Вѣдь ужъ послѣ смерти носить не станешь.

Соловкнѣ. И то правда.... (Махнувъ рукою.) Надѣвай!

Маша (всторону). Ну! значить и мнѣ сегодня можно будетъ обновить бурнусъ и шляпку.

Устинья. Да скажи пожалуйста, зачѣмъ ты давеча присылалъ носильщиковъ за фортепьянами? Куда ты ихъ отправилъ?

Соловкнѣ. Продалъ.

Устинья. Продалъ!... зачѣмъ?

Соловкнѣ. Да куда-же мнѣ ихъ? (Мрачно.) Мы отправляемся въ такую дальнюю дорогу, что съ собой ихъ брать никакъ нельзя, того и гляди, что изломаются.

Устинья. Ахъ, да! — Вѣдь я опять позабыла, что мы сегодня умремъ!

Солопкинъ (*съ упрекомъ*). Тото же и есть, у тебя память-то дѣвушкана!

Устинья. А деньги? гдѣ же деньги?

Солопкинъ. Всѣ роздалъ на нищую братію. И теперь у меня на душѣ также легко, какъ и въ карманахъ.

Устинья. Что ты это надѣлалъ! да ты бы по-крайней-мѣрѣ заплатилъ долгъ купцу Охомяткину.

Солопкинъ (*горячо*). За что это?... ни гроша не заплачу! Онъ страшалъ меня, что продастъ мой домъ съ публичнаго торгу, пускай же продаетъ!

Устинья. А что жъ ты думаешь? не продастъ что-ли? разсердитесь да и продастъ!

Солопкинъ (*иронически*). Ну, да, да! Ты вѣдь у меня умная голова! — Которое сегодня число-то?

Устинья. Ахъ, опять забыла!... Ну, вотъ—хоть ты что хочешь—я не могу вспомнить, что умирать приходится.

Солопкинъ (*грозитъ ей пальцемъ*). Жена! жена! Помни часъ смертный!

Устинья (*съ сердцемъ*). Да ну ужъ убирайся! И безъ тебя скучно. (*Маша*.) Подп-ка, Машенька, да сварь кофейку, авось либо на душѣ полегче будетъ.

Маша. Сейчасъ, мамевька. Какъ варить-то? пополамъ съ пикоріей, или цѣльнаго?

Устинья. Нѣтъ, душенька, сварь ужъ лучше цѣльнаго; а то вѣдь также пропадетъ.

Маша. Хорошо-съ. (*Уходитъ*.)

VIII.

СОЛОНКИНЪ и УСТИНЬЯ.

Солопкинъ (*прохаживаясь большими шагами*). Ну, Устинья Дмитриевна, поговоримъ-ка мы съ тобою откровенно!

Устинья. О чемъ?

Солопкинъ. А вотъ о чемъ! скажи мнѣ, что у тебя за страшные грѣхи, о которыхъ ты давеча вспоминала съ такимъ ужасомъ?

Устинья. А ты почему знаешь?

Солопкинъ. Маша мнѣ сказывала.

Устинья (*всторону*). Скверная дѣвчонка! (*Громко*.) Что ты ей вѣришь? Она болтаетъ и сама не знаетъ что!

Солопкинъ. Однако-жъ вѣд все-таки у тебя есть грѣшки?

Устинья. Да тебѣ-то какое дѣло?

Солопкинъ. А такое дѣло, что... какъ бы тебѣ это объяснить?... мы, какъ добрые мужъ и жена, должны отнравиться на тотъ свѣтъ въ добромъ согласіи, безъ подозрѣній... безъ угрызений... одвинь словомъ, чтобъ на душѣ у насъ не было ни сучка, ни задоринки! Понимаешь? И потому я совѣтую тебѣ лучше во всемъ признаться.

Устинья. Да что-же? Вотъ я любила очень паряжаться?...

Солопкинъ. Знаю! эти наряды у меня вотъ гдѣ спятъ... что-жъ дальше?

Устинья (*запинаясь*). Дальше?... Да что жъ такое? кажется больше ничего не было, развѣ что... я иногда тихонько отъ тебя покупала мороженое.

Солопкинъ (*грозитъ ей пальцемъ*). Видишь ты какая сладкоѣшка! — А еще?...

Устинья. Еще разъ на Святой недѣлѣ кулнчъ сожгла и тебѣ ни слова не сказала.

Солопкинъ. Да это все пустяки! Ты признавайся въ чемъ-нибудь поважнѣе.

Устинья. Вѣд вотъ я думаю и это грѣхъ, что я боюсь смерти?

Солопкинъ. Грѣхъ! чистый грѣхъ! и отчего ты боишься смерти?

Устинья. Оттого, что мнѣ жалко разстаться съ тобою, вѣд я тебя нынче очень люблю!

Солопкинъ. Гмъ! нынче?... а прежде?

Устинья (*съ замышательствомъ*). Прежде-то?...

Солопкинъ. Да! прежде-то?

Устинья (*всторону*). Ни за чтобы не сказала, кабы не свѣту преставленіе! (*Громко*.) Прежде то ты мнѣ все казался какимъ-то чучелой...

Солопкинъ (*вскакиваетъ*). Что?!...

Устинья. Помнишь, когда ты на мнѣ женился, такъ вѣд мы жили въ Петербургѣ, въ Капоперской улицѣ?

Солопкинъ. Ну, да.

Устинья. А надъ нами, во 2-мъ этажѣ, навималъ квартиру театральнй музыкантъ...

Солопкинъ (*бѣсится*). Навималъ, чортъ его возьми! навималъ!

Устинья. Призвѣйся по совѣту: вѣдь онъ былъ гораздо красивѣе тебя?

Соловкинъ. Устинья! Вспомни, что свѣтъ еще не провалился и я могу фыскать палку.

Устинья. Въ то время я думала: что еслибы тебя не было, я бы вышла за него замужъ.

Соловкинъ (*съ брешенствомъ*). Провались ты!

IX.

ТѢЖЕ «МОЛОТОВЪ».

Молотовъ (*услышавъ послѣднія слова*). Скоро, скоро, любимѣйшій Андрей Алексѣичъ, мы провалимся все вмѣстѣ.

Соловкинъ (*горячо*). Нѣтъ, мы сами по себѣ! а ей надобно провалиться одной!

Молотовъ. Зачѣмъ же одной? Что-жъ такая за особенная протекція? притомъ же и подождать недолго, потому-что ужъ почти начинается.

Соловкинъ (*со страхомъ*). Какъ... неужели?

Устинья. Господи помилуй!

Молотовъ. Теперъ весь городъ только и думаетъ, что о кометѣ, вездѣ плачь, вой, стонъ.... одни только мы и спокойны.... а кому этимъ обязаны?

Соловкинъ (*пожимаетъ ему руку*). Тебѣ, Степанъ Степанычъ, тебѣ одному.

Молотовъ. То-то же и есть, я показалъ вамъ примѣръ неустрашимости! Но чтобы еще болѣе удивить городъ нашей храбростью, такъ знаете-ли, что мы должны дѣлать?

Соловкинъ. Нѣтъ, я не знаю.

Устинья. И я тоже.

Молотовъ. А я такъ знаю. Вотъ въ чемъ дѣло: чтобы показать, что мы не трусы и что комета насъ нисколько не пугаетъ, такъ вы должны сейчасъ же обручить меня съ вашей дочерью и разорвать вексель, по которому я вамъ долженъ 400 руб., что вы на это скажете?

Соловкинъ. Пожалуй, я согласенъ.... да только что тебѣ за охота пришла обручаться передъ смертью?

Молотовъ. Да, такъ, капризъ!

Устинья. Капризь!... Ну, такъ ужъ извини, батюшка! Мы твоихъ капризовъ исполнять не намѣрены!

Соловкинъ. Молчи, жена!

Устинья. Нѣтъ, не стану молчать! Вотъ-те, на!

Соловкинъ. Я тебѣ говорю, молчи!

Устинья. Самъ молчи, если хочешь, а я стану кричать! Я позову полицію! Я попрошу городничаго, чтобы васъ обонхъ отравили въ сумасшедшій домъ!... Видишь съ чѣмъ подѣлкалъ—разорвите вексель! А какъ кометы то не будетъ?

Соловкинъ. А что, Степанъ Степанычъ, и въ-самомъ-дѣлѣ, вѣрно-ли это?

Молотовъ. Такъ же вѣрно, какъ дважды два четыре!

Соловкинъ. Да, можетъ быть, какъ-нибудь....

Молотовъ. Никакъ не можетъ-быть!

Устинья (*мужу*). Что ты его слушаешь? Подожди лучше до конца, такъ сами увидимъ.

Молотовъ (*Устиньѣ*). Стало быть вы мнѣ не вѣрите?

Устинья. Не вѣрю, батюшка, рѣшительно не вѣрю! Сначала было я еще и такъ и сякъ; а теперь, какъ ты заговорилъ о векселѣ, я и послѣднюю вѣру потеряла.

Молотовъ (*Соловкину*). Андрей Алексѣичъ! и вы также?

Соловкинъ. Нѣтъ, я то вѣрю.... да....

Молотовъ. Такъ разорвите вексель.

Устинья. И подумать не смѣй!

Соловкинъ. Послушай, братецъ, Степанъ Степанычъ! Вѣдь это мое послѣднее достояніе; я долженъ буду разориться въ ковецъ, если только не будетъ кометы.

Молотовъ. Будетъ, будетъ и будетъ!

X.

ТѢЖЕ и ЧИСТОВЪ.

Чистовъ (*услышавъ послѣднія слова*). А я вамъ говорю: не будетъ, не будетъ и не будетъ!

Молотовъ. Что это значить? Кто осмѣливается мнѣ противорѣчить? Мнѣ... учителю математики.

Чистовъ. Да хоть бы я! Помощникъ землемѣра! Что вы на это скажете? (*Обращаясь къ Соловкинымъ*.) Здравствуйте, Ав-

дрей Алексѣичъ! Мое почтеніе, Устинья Дмитревна! (*Обращаясь опять къ Молотову.*) Ну, что? вотъ и не будетъ!

Молотовъ (*Солонкину*). Опъ, должно быть, помѣшался!

Солонкипъ. Не знаю; только овъ говоритъ такъ утвердительно....

Молотовъ. Ахъ, Боже мой! да и всѣ сумасшедшіе говорятъ утвердительно!

Солонкипъ. Однакожъ вѣдь, на чемъ-же нибудь онъ основывается?...

Молотовъ. А! я вижу, что и вы, Андрей Алексѣичъ, начпиаете впадать въ невѣріе.

Солонкипъ. Нѣтъ, я не то чтобы.... а такъ.... обстоятельства такого рода, что....

Молотовъ. Хорошо, довольно! чтобы убѣдить васъ въ вашемъ невѣжествѣ, такъ я постараюсь доказать вамъ это на опытѣ. Хотите-ли вы, чтобы я доказалъ на опытѣ?

Всѣ. Да, да хотимъ!

Молотовъ. Зовите сюда вашу дочь.

Устинья. Зачѣмъ?

Молотовъ. Зовите вашу дочь! хочу, чтобы и она видѣла, какъ заблуждались ея родители и этотъ молодой человѣкъ!

Солонкипъ (*женѣ*). Зови, жена!

Устинья. Да вѣдь она кофей варитъ.

Солонкипъ. Къ чорту теперь кофей!

Устинья (*кричитъ въ дверь*). Маша! Маша!

Маша (*за кулисами*). Сейчасъ, маменька! сейчасъ будетъ готовъ!

Устинья. Не надо кофей! Ступай сюда скорѣе!

Чистовъ (*подходитъ къ Молотову*). Милостивый государь, а что если вы намъ ничего не докажете, и свѣтъ-то останется на своемъ мѣстѣ.

Молотовъ. Я не докажу?... И свѣтъ останется на мѣстѣ?... Несчастный!...

Чистовъ. Что вы намъ тогда скажете?

Молотовъ. Чго я скажу?...

Чистовъ. Если онъ простонтъ еще годъ, два года, три года, однимъ словомъ несчетные годы?

Молотовъ. Простонтъ годъ, два года, три года, и даже несчетные годы?

Чистовъ. Да-съ! что тогда?

Молотовъ (*неистово*). Чашку съ водой! Дайте мнѣ чашку съ водой!

Чистовъ. Нѣтъ, вы мнѣ скажите прежде...

Молотовъ. Ради Бога, чашку съ водой!... сейчасъ-же... сію-минуту!...

Солонкинъ (*жестъ*). Устинья! Что-жъ ты стоишь? Вѣдь слышишь, надобно чашку съ водой? Поди, привнеси! (*Устинья уходитъ*.)

Молотовъ. Я ему докажу! я ему покажу! я ему расскажу! я ему...

Чистовъ. Не страшайте! не страшайте!

XI.

ТѢЖЕ, МАША И УСТИНЬЯ СЪ ЧАШКОЙ.

Устинья. Ну, вотъ и вода.

Молотовъ. Хорошо. Столъ сюда, на середину! (*Солонкинъ приноситъ столъ*.)

Молотовъ. Чашку на столъ.

Устинья (*ставитъ чашку*). Тутъ что-ли?

Молотовъ. Тутъ!

Устинья (*Чистову тихо*). Что это овъ, не ворожить-ли хочеть?

Чистовъ (*тихо*). Нѣтъ, не ворожить, а обморачивать; да ему не удастся.

Молотовъ. Теперь приступимъ къ дѣлу. Скажите мнѣ: видите-ли вы что-нибудь въ этой водѣ?

Всѣ (*заглядываютъ въ чашку*). Нѣтъ, мы ничего не видимъ.

Молотовъ. Прекрасно! дайте мнѣ листъ бумаги, — скорѣе листъ бумаги! (*Всѣ суетятся, отыскивая бумагу*.)

Чистовъ (*находитъ бумагу и подаетъ Молотову*). Вотъ извольте.

Маша (*Чистову*). Ахъ, что вы дѣлаете, Иванъ Ивановичъ! Вѣдь это моя выкройка!

Чистовъ. Нячего съ, мы его обрѣжемъ!

Молотовъ. Теперь вниманіе!... (*Дѣлаетъ изъ бумаги шаръ*.) Видите-ли вы эту штуку?... Отвѣчайте всѣ!

Всѣ. Ну, да, видимъ!

Молотовъ. Это, съ позволенія сказать, земной шаръ!

Маша. Неправда, неправда! это моя выкройка.

Молотовъ. Тсъ!—молчите! А не то я уйду и вы погибнете безъ всякаго доказательства!

Соловкинъ (*Машь*). Молчи, Машурочка! (*жестъ*) Смотри ты у меня и не пякни!

Устинья (*мужу*). Да что ты привязываешься? я и безъ того молчу.

Соловкинъ. И не дыши!

Молотовъ. Тше! Боже мой! тше!—Смотрите! Вотъ здѣсь въ этой чашкѣ вода! Но это не простая вода, она представляетъ океанъ!—Понимаете-ли вы, что значить океанъ?

Устинья. Какъ же! я и сказку читала: «на морѣ на океанѣ, на островѣ на буянѣ...» (*Соловкинъ щиплетъ жену.*) Ой! что ты щиплешься?

Соловкинъ. А кто тебя просить сказки-то рассказывать. Вѣдь сказано молчать!

Молотовъ (*поднимая чашку и надъ ней бумагу*). Теперь главное вниманіе.... (*Обращался къ Чистову.*) Молодой человекъ еще листъ бумаги!

Чистовъ (*бросается искать бумаги*). Да больше нѣтъ.

Молотовъ. Гдѣ-нибудь да отыщите! Безъ этого нельзя!

Чистовъ (*роется въ маленькомъ столикѣ и вынимаетъ листъ бумаги*). Вотъ, вотъ, нашель!

Соловкинъ (*вырываетъ у него бумагу*). Постоите! это мой аттестатъ изъ дпрекціи.

Молотовъ. Все равно; опъ теперь болѣе не нуженъ.

Соловкинъ. Ну, нѣтъ, Степанъ Степанычъ, ужъ извини!.. этого я ни за что не дамъ.

Молотовъ. Такъ вотъ что: давайте сюда мой вексель.

Устинья. Какъ бы не такъ! опъ у меня въ коммодѣ запертъ.

Маша (*которая въ это время уходила въ другую комнату, приноситъ афишку*). Извольте-сь.

Молотовъ. Что это, театральная афишка?... Ну, все равно! (*Соловкину.*) Андрей Алексѣвичъ! сдѣлайте мнѣ еще такой шаръ!

Соловкинъ. Зачѣмъ?

Молотовъ. На запасъ! Если этотъ уничтожится.

Соловкинъ. Степанъ Степанычъ! А что же будетъ тогда, когда ничего не будетъ.... то есть, какъ бы это сказать.... ну, когда свѣтъ-то разрушится?

Молотовъ (*съ упрекомъ*). Андрей Алексѣвичъ! Прикуси языкъ! Вѣдь я, кажется, проспалъ помолчать?

Солопкинъ. Ну, виновать, виновать.

Молотовъ (*Маша*). Дайте мнѣ свѣчу!

Маша (*подаетъ ему свѣчку зажженую*). Вотъ вамъ и свѣчка-ка-съ.

Молотовъ (*беретъ свѣчку въ правую руку*). Смотрите! здѣсь, въ лѣвой рукѣ, шаръ земной съ окружающимъ его океаномъ, — здѣсь, въ правой рукѣ, салъная свѣчка, которая представляетъ... вниманіе!... не развлекайтесь!... которая представляетъ уже не салъную свѣчку, но разрушительную комету... (*Отдаляетъ свѣчку*.) Въ этомъ отдаленіи, въ которомъ я теперь держу комету отъ земнаго шара, они не оказываютъ другъ друга никакого дѣйствія... тутъ они находились 5 числа. (*Приближаетъ свѣчку*.) Въ этотъ же день она прошла 7000 верстъ! (*Еще приближаетъ*.) 6 числа опять 7000, наконецъ 7-го она трогается и пускается въ послѣднее путешествіе... Ну-съ!... Теперь она со всего маху столкнется съ землею... Смотрите. (*Онъ такъ сильно ударитъ свѣчею въ шаръ, что она гаснетъ, а шаръ сплющивается*.) Хлопъ! Вотъ вамъ! хоть комета отъ сильнаго толчка и погасла, по за то смотрите, въ какомъ несчастномъ положеніи наша бѣдная земля! Ну, что-съ? Правъ-ли я?

Солопкинъ (*съ восторгомъ*). Побѣдилъ! совершенно побѣдилъ!

Маша (*тихо Чистову*). Ну вотъ, а вы говорили, что все это неправда...

Чистовъ. Погодите, погодите, мы его выведемъ на чистую воду!

Молотовъ (*Устинь*). Зажгите опять свѣчу!

Устинья (*зажигаетъ и подаетъ ему*). Эвѣя страсти!

Молотовъ. И такъ вы удостовѣрились, что въ десять часовъ вечера, мы будемъ также сплющены, или смотрите! (*Приближаетъ медленно свѣчку къ другому взятому имъ шару*.) Комета приближается къ землѣ... идетъ тише... уничтожаетъ ее, сплавляетъ въ массу и наконецъ... (*Зажигаетъ шаръ*.) сожигаетъ... какъ показываетъ эта фигура!

Чистовъ. И все это случится въ десять часовъ?

Молотовъ. Ровно въ десять изъ минуты въ минуту, и изъ секунды въ секунду! ужъ у меня такъ рассчитано.

(*За кулисами слышенъ бой часовъ*.)

Солопкинъ. Пойдите!... сколько это бьетъ?

Чистовъ (смотря на карманные часы). Аккуратно десять часовъ!

Молотовъ (всторону). Ахъ, чортъ возьми! оборвался! (Кружающимся.) Падайте скорѣй на землю! всѣ на землю!

Всѣ. Зачѣмъ? что это значить?

Молотовъ (наклоня Солонкина). На землю! слышите-ли; на землю! Теперь ужъ уходитъ поздно! зажмите глаза и лежите смирно!

Устинья. Охъ, батюшки! что съ нами будетъ?

Солонкинъ. Прощай, бѣлый свѣтъ!

Маша. Экая я несчастная! и бурнуса-то не обновила.

(Всѣ ложатся на землю и закрываютъ глаза.)

Молотовъ (всторону). Ну, теперь, давай Богъ погп! а то пожалуй за мои астрономическіе выводы меня отсюда выведутъ, да и сведутъ къ городничему! (Тихонько уходитъ.)

(На сценѣ нѣсколько времени продолжается молчаніе.)

Солонкинъ (приподымая голову, но не открывая глазъ). Степанъ Степанычъ!... А Степанъ Степанычъ!... голубчикъ!... скоро ли мы провалямся?... у меня спина заболѣла лежать нагнувшись... что же онъ молчатъ?... Степанъ Степанычъ!... да неужели онъ всѣ провалился и оставилъ меня одного?... Постой! — Жена?...

Устинья (съ закрытыми глазами). Что тебѣ?

Солонкинъ. Маша!

Маша. Я здѣсь, тятинька!

Солонкинъ. Иванъ Ивановичъ!

Чистовъ. Что вамъ угодно?

Солонкинъ (вскакивая и открывая глаза). Какъ! такъ вы всѣ здѣсь?... А Степанъ Степанычъ! Гдѣ, Степанъ Степанычъ?

Всѣ. Мы не знаемъ.

Солонкинъ (бьетъ себя по лбу). Ахъ, чортъ возьми! Онъ насъ одурачилъ! онъ насъ осрамилъ! онъ насъ разорилъ! Подайте мнѣ его разбойника!... Ахъ, я болванъ, болванъ!

Устинья. Вѣдь я тебѣ это давно говорила...

Солонкинъ. Убирайся!... Что мнѣ теперь дѣлать? Я роздалъ всѣ деньги, намъ печего будетъ ни пить, ни ѣсть, а послѣ завтра выгонять изъ дому!

Чистовъ. Успокойтесь, Андрей Алексѣичъ! ничего этого не будетъ!

Солонкинъ. Какъ?...

Огд. I X.

Чистовъ. Я давеча заходилъ въ почтамтъ и почтмейстеръ мнѣ сказывалъ, что вамъ прислапъ изъ Петербурга пенсію за двѣе полгода.

Солопкинъ. Слава тебѣ Господи! — Но вѣдь это будетъ мало, чтобы раздѣяться съ купцомъ Охомяткинымъ.

Чистовъ. А я-то чему учился? Возьмите у меня, я завтра получу награду!

Солопкинъ (обнимая его). Сокопкъ ты мой, Иванъ Ивановичъ! чѣмъ мнѣ заплатить тебѣ?

Чистовъ (показывая на Машу). Да ужъ нельзя-ли вотъ этимъ съ?...

Солопкинъ (беретъ Машу за руку и подводитъ къ Чистову). Вотъ тебѣ моя уплата, живите богато!

Устинья. Ухъ, батюшки! какъ гора съ плечъ съмылась! Ну, надѣлала намъ хлопотъ эта комета.

Солопкинъ. Ты молчи! Вспомни только, что эта комета можетъ мнѣ напомнить театральнаго музыканта. — Однако-жъ, пойдемте ужинать!

Устинья. Да что ты будешь ужинать-то? Вѣдь ничего нѣтъ: ты самъ же давеча послѣ обѣда велѣлъ отдать все кушавье собакамъ.

Солопкинъ. Какъ! такъ и спать-то приходится на тощакъ?

Устинья. Да видно что такъ!

Солопкинъ. Охъ! какъ это невкусно!

Мы возиися съ кометой,
Насъ пугалъ десятый часъ;
Но неужли шуткой этой
Разсердить успѣли васъ?
Васъ добрѣе нѣтъ на свѣтѣ!
Можно смѣло утвердить,
Такъ за что-жъ бы и къ кометѣ
Вамъ поласковѣй не быть?

9901

